

ИНФОРМАЦИОННАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И ИНФОРМАЦИОННЫЙ РАСКОЛ: ЧТО ПРОИСХОДИТ В РОССИИ?

За последние пятнадцать лет произошли резкие изменения в структуре российского информационного пространства, связанные с тем, что в России вслед за Западом начался очередной этап информационной революции. В настоящее время «информационной революцией» называют фундаментальные преобразования социальных отношений и образа жизни, которые вызваны появлением новых информационных технологий и средств коммуникации.

Первой информационной революцией традиционно считается изобретение книгопечатания, повлекшее за собой в конечном итоге появление массовой прессы, второй – появление электронных средств коммуникации, начиная с телеграфа и заканчивая радио и телевидением. Третья информационная революция происходит на наших глазах и связана с возникновением и массовым распространением информационно-компьютерных технологий.

Первая информационная революция затянулась почти на триста лет: именно столько времени понадобилось для того, чтобы на основе книгопечатания возникла массовая пресса. Для этого оказалась необходима не только серия технических нововведений, радикально усовершенствовавших изобретенный И. Гутенбергом ручной печатный станок, но и переход к всеобщей грамотности, создавший предпосылки для появления массовой аудитории. Максимальное количество копий, которое могло быть напечатано на станке И. Гутенберга в течение дня, составляло 2 000 экземпляров. Именно таким и был, как правило, тираж ранних газет. Для того чтобы появились массовые газеты, понадобилось изобрести сначала паровой печатный пресс, а потом ротационную машину. Только когда умение читать из профессионального навыка, каким оно являлось в традиционном обществе, превратилось в навык всеобщего распределения, пресса смогла превратиться в средство *массовой информации*.

* Трахтенберг Анна Давидовна – старший научный сотрудник отдела философии ИФиП УрО РАН, кандидат политических наук.

Вторая информационная революция началась с изобретения электрического телеграфа, что впервые позволило отделить передачу информации от использования транспортных средств. Следующим шагом стало появление «беспроволочного телеграфа», создававшегося для решения узкой прикладной задачи: наладить связь между судами в открытом море. Превращение «беспроволочного телеграфа» в средство массовой информации – радио стало неожиданностью даже для авторов этого изобретения, и является классическим примером того, каким образом технология под влиянием потребностей социальной среды может приобретать назначение, прямо противоречащее замыслам ее создателей. В отличие от радио, телевидение изначально создавалось как средство массовой информации и в этом качестве в течение 50–60-х гг. превратилось в главный элемент всей информационной системы.

Современный этап информационной революции связан с появлением технологий, с помощью которых рядовой пользователь получил реальную возможность избавиться от односторонней зависимости от традиционных средств массовой информации. Следует подчеркнуть, что, как и в случае с «беспроволочным телеграфом», разработчики этих технологий преследовали конкретные прикладные цели, так что главная характеристика вновь складывающейся информационной системы – ее интерактивность, во многом явилась побочным эффектом их деятельности.

Как известно, Интернет создавался для решения вполне прикладной военной задачи: обезопасить центр управления войсками на случай ядерной атаки. Идея состояла в том, что для того, чтобы обезопасить такой центр, его надо просто ликвидировать, создав вместо единого командного пункта сеть связанных между собой компьютеров. До какой степени неожиданной была эта идея, и в какой малой степени осознавались ее возможные социальные последствия, свидетельствует вся научная фантастика 50–80-х гг., которая исходила из того, что в будущем общество будет контролироваться и управляться из общего центра некоей супер-ЭВМ, и обсуждала исключительно последствия, связанные с существованием такого сверх-Разума.

Масс-медиа, возникшие в процессе двух первых информационных революций, будь то газеты, радио или телевидение, изначально были устроены так, чтобы полностью определять, когда, где и

какую именно информацию имеет право и должна получать аудитория. Однонаправленность процесса массовой коммуникации была закреплена как технологически, так и институционально, так что отправителями посланий стали большие, бюрократически организованные структуры, а получателями – рассеянные в пространстве и не имеющие возможности напрямую контактировать ни с отправителем, ни друг с другом члены аудитории. Частное информационное пространство членов аудитории по возможности унифицировалось. Характерно, что на основе традиционных средств массовой информации достаточно быстро и легко создавались закрытые информационные системы, полностью контролируемые из единого центра. Не случайно именно на основе традиционных масс-медиа (прежде всего прессы и радио) успешно осуществлялась массовая идеологическая индоктринация населения в Советском Союзе и нацистской Германии. Именно в логике закрытой информационной системы рисовалось будущее в научной фантастике, посвященной информационным системам будущего. В качестве типичного примера может служить роман «481° по Фаренгейту» Р. Брэдбери.

В результате внедрения в повседневную жизнь новых информационно-компьютерных технологий на место однонаправленного воздействия профессиональных коммуникаторов на аудиторию пришло взаимодействие адресата и отправителя послания. Естественно, и в новых информационных структурах взаимодействие адресата и отправителя не является равноправным, и отправитель продолжает занимать более сильную позицию по отношению к адресату. Тем не менее современная информационная революция приводит к качественному росту свободы пользователя. Границы его частного информационного пространства резко расширяются, а контентное наполнение этого пространства становится более избирательным и индивидуализированным.

Первым образцом новых средств коммуникации явился кассетный видеомаягнитофон. Благодаря его наличию зрители впервые освобождались от вкусов составителей телевизионных программ и кинопрокатчиков и получили возможность самостоятельно определять, что и когда они хотят смотреть. Более того, благодаря видеомаягнитофону просмотр фильма или телепередачи по степени свободы приблизился к чтению книги: пользователь может остано-

виться в любом месте, вернуться назад или, наоборот, забежать вперед, многократно повторять понравившийся эпизод и т.п.

Появление персональных компьютеров и перестройка под их влиянием всей системы средств коммуникации обеспечила дальнейшее освобождение пользователя от подчинения традиционным СМИ, и привела к формированию новых активных информационных стратегий. В 1952 г. один из основателей компании ИВМ Т. Уотсон-старший заявил, что в перспективе всему миру может понадобиться 5-7 компьютеров. До 1960 г. во всем мире использовалось не более 7 тыс. ЭВМ. Перелом произошел в 1993 г., когда впервые объем производства персональных компьютеров превзошел объем производства легковых автомобилей и достиг 35,4 млн единиц¹. В Интернете появились информационные гибриды, такие как «fanfiction» (сайты, на которых поклонники популярных телесериалов сочиняют собственные версии приключений героев любимых фильмов, т.е. их простых зрителей превращаются в сообщество соавторов) или «weblog» (индивидуальный информационный сайт, составленный под конкретного пользователя), и расцвело парасоциальное общение на форумах и в чатах.

Конечно, говорить о безграничной свободе пользователя в Сети нельзя, хотя бы потому, что общение в виртуальной реальности продолжает строиться по традиционным иерархическим социальным моделям и отнюдь не является торжеством «виртуальной анархии», как некогда грезились первым пользователям. Однако новые средства коммуникации гораздо труднее поддаются организации и внешнему контролю, чем традиционные, а пользование ими выводит индивида в качественно иное информационное пространство.

Информационная революция породила не только качественно новые типы информационных стратегий, но и новую социальную проблему – информационный «цифровой раскол» («digital divide»). Имеется в виду, что доступ к информационно-компьютерным технологиям и новым средствам коммуникации распределен в обществе неравномерно. Эти технологии и эти средства доступны обеспеченным, образованным и проживающим в развитых странах людям, и

¹ *Ершова Т.В.* Концептуальные вопросы перехода к информационному обществу XXI века // Развитие информационного общества в России. Т. 1. СПб., 2001. С. 31-42).

практически недоступны людям необеспеченным, малообразованным и находящимся на мировой периферии. Для описания информационного раскола были введены новые термины: «информационное богатство» и «информационная бедность», с помощью которых различаются те, кто уже может пользоваться всеми достижениями очередного этапа информационной революции, и те, для кого информационная революция еще не началась.

По отношению к информационному расколу в современной коммуникативистике существуют два основных подхода.

Для оптимистов этот раскол является временным явлением, характерным для начальных этапов любой информационной революции. Они указывают на то, что и радиоприемники, и телевизоры также некогда были предметами престижного потребления, и ими пользовался очень узкий слой населения. По их мнению, компьютеры и сотовые телефоны быстро проделают тот же самый путь, и под давлением рыночных механизмов информационный раскол исчезнет сам собой.

Пессимисты придерживаются противоположной точки зрения: по их мнению, информационный раскол окончательно закрепляет существующее в мире неравенство, вводя в него новое измерение. Для них информационный раскол является одним из ключевых аспектов глобализации как процесса, осуществляемого развитыми странами за счет и в ущерб мировой периферии, поэтому этот раскол будет только углубляться и обостряться. Ряд исследователей даже выражают опасения, что Интернет и связанные с ним технологии, будучи в первую очередь инструментом общения элит, могут привести к появлению «авторитаризма элит»¹.

Какой из этих подходов верен, покажет время. Пока, по мнению П. Норрис, из-за отсутствия систематических (эмпирических) исследований в теоретической литературе, особенно спекулятивного толка, существует тенденция относиться к Интернету как к тесту Поршаха, отражающему технофильское или технофобское отношение авторов к будущему².

¹ Засурский Я.Н. Информационное общество и средства массовой информации // Развитие информационного общества в России. Т. 1. СПб., 2001. С. 152-153.

² Norris P. A Virtuous Circle: Political Communications in Postindustrial Societies. Cambridge, 2000.

Если отсутствие систематических эмпирических исследований процессов информационной революции затрудняет ее теоретическое осмысление в наиболее развитых странах мира, то тем более верно это в отношении к России. Вопросы о том, на какой стадии информационной революции находится наша страна, существуют ли в ней информационный раскол и насколько он глубок, а также какие группы и слои населения в наибольшей степени затронуты этим расколом, являются для отечественной коммуникативистики не менее, а более актуальными, чем для зарубежной.

За последнее время возник явный интерес к ранним этапам развития информатики в СССР. Появились работы ряда авторов (В.Н. Захаров, Б.Н. Малиновский, Р.И. Подловченко, Д.А. Поспелов, Ю. Ревич, Я.И. Фет и др.¹). В них подробно описаны решения и достижения, полученные в 50–60-е гг. школами академика С.Л. Лебедева и В.М. Глушкова, а также попытка найти ответ на вопрос о том, почему же с 70-х гг. в Советском Союзе обозначилось отставание от развитых стран мира по уровню информатизации, которое в дальнейшем только нарастало. По общему мнению, это отставание объяснялось косностью партийного руководства, а также неспособностью существовавшей системы управления экономикой к усвоению нового. Однако еще впереди анализ причин, по которым успешно развивавшаяся советская информатика в конце концов оказалась в глубоком кризисе (достаточно указать, что в своей концепции Общегосударственной автоматизированной системы сбора и обработки информации для нужд учета, планирования и управления – ОГАС В.М. Глушков во многом предвосхитил появление Интернета, хотя, безусловно, эта концепция целиком укладывалась в параметры советской идеологии).

¹ История информатики в России: Ученые и их школы / Сост. В.Н. Захаров, Р.И. Подловченко, Я.И. Фет. М.: Наука, 2003. 485 с.; *Малиновский Б.Н.* История вычислительной техники в лицах. Киев: Наукова думка, 1995; Очерки истории информатики в России / Сост. Д.А. Поспелов, Я.И. Фет. Новосибирск: Наука, 1988. Статьи Ю. Ревича в основном публиковали на сайте «Русский журнал»: *Ревич Ю.* Горький юбилей // <http://www.russ.ru/netcult/20030416.html>; *Ревич Ю.* Когда компьютеры были большими // <http://www.russ.ru/netcult/20030604.html>; *Ревич Ю.* Конец истории // http://www.russ.ru/netcult/20030520_revich.html и др.

К началу 90-х гг. ситуация в сфере информатизации казалась совершенно безнадежной: несмотря на многомиллиардные суммы, потраченные во второй половине 80-х гг. для «встраивания» Советского Союза в зарождающееся информационное общество, новые заводы, предназначенные для производства персональных компьютеров и комплектующих, в постсоветскую эпоху оказались заброшены, а отечественные разработки в области микроэлектроники – неконкурентоспособны. Рассуждения о «нашем беспросветном отставании по всем направлениям»¹ превратились в обыденные разговоры. Если бы в то время уже сложилась концепция «информационного раскола», Россия уверенно была бы отнесена к «информационно бедным» и не имеющим никаких шансов выйти из этого состояния странам. Однако затем ситуация начала быстро меняться.

Предыдущие информационные революции в России, как правило, инициировались сверху. Достаточно напомнить, что издателем и редактором первой русской газеты «Ведомости» был Петр I. Он же ввел гражданский шрифт, создав тем самым предпосылки для появления массовой аудитории и начав первую информационную революцию. Радиофикацией страны, как и последующим внедрением в повседневный быт телевидения, т.е. второй информационной революцией целенаправленно занималась советская власть. Последняя волна модернизации информационного пространства началась снизу, и новые информационные технологии стали распространяться очень быстрыми темпами. Компьютеризации России пошла вовсе не тем путем, который намечался в амбициозных государственных программах советских времен.

Тем не менее успехи компьютеризации оказались весьма впечатляющими, особенно в течение последних лет: в 1998 г. в России было только 6,4 млн компьютеров, в 2000 г. – 7,5 млн, но к 2004 г. количество персональных компьютеров в России выросло до 15 млн штук. Был преодолен важнейший барьер: их плотность дошла до 10 единиц на 100 чел. населения. Конечно, такая плотность невысока в сравнении с США и странами Северной Европы (где она составляет 75 единиц на 100 чел.), однако она приближается к плотности в странах Южной Европы, таких, как Португалия и Греция.

¹ *Лесков С.* ЭВМ: роскошь или панацея? // Известия, 1991. 23 июня.

При этом следует учесть, что количество пользователей персональных компьютеров существенно превышает количество их владельцев. По результатам некоторых исследований, одному компьютеру, установленному в отделении связи, соответствует 12 пользователей, в Интернет-кафе – 41 пользователь, в то время как компьютер, находящийся в личной собственности, «порождает» не более трех пользователей.

Как и следовало ожидать, пользователи компьютеров проживают преимущественно в мегаполисах. В Москве доля пользователей уже приблизилась к среднеевропейской. Не менее типично и то, что среди пользователей компьютеров преобладают представители младшего и среднего возрастов.

Рост компьютерного парка – основное условие развития Интернета. Сейчас количество его активных пользователей в России по разным оценкам составляет от 2 до 6 млн чел.

Сложность с определением количества пользователей во многом обусловлена различием методик. Так, компании «SpyLog» и «Rambler» занимаются техническим мониторингом, отслеживая контакты пользователей с сайтами (при этом их оценки расходятся в разы из-за того, что контакты учитываются по-разному). Такие исследовательские организации, как фонд «Общественное мнение», «РОМИР», «Национальный институт социально-психологических исследований» и др. проводят опросы по репрезентативным выборкам. Отсюда разноречивость в оценках. Самые низкие оценки дает Государственный комитет по статистике, самые высокие – уже упоминавшаяся компания «SpyLog» (15 млн пользователей).

Однако все исследователи согласны с тем, что рост численности российских Интернет-пользователей происходит очень быстро. Компания «Rambler» для описания этого роста применяет формулу «в два раза за три года». Поэтому есть надежда, что к 2008 г. число Интернет-пользователей сравняется с количеством пользователей персональными компьютерами и составит примерно 24 млн чел., т.е. около 16% населения России.

Аудитория Рунета сравнительно хорошо изучена. Первое исследование отечественной Интернет-аудитории провела фирма «КОМКОН» под руководством П. Залесского (1997 г.). Некоторые итоги этого изучения уже подведены¹. Общеизвестно, что главное

¹ Чугунов А.В. Социология Интернета: социально-политические ориентации российской интернет-аудитории. СПб., 2002.

отличие Рунета от других Интернет-сообществ – меньший относительный возраст среднего пользователя. В настоящее время 37% пользователей Рунета до 25 лет, в то время как пользователей старше 54 лет в Рунете всего 6%. Ядром нынешней аудитории российского Интернета являются 20–24-летние: их доля среди пользователей почти в три раза больше, чем среди населения в целом¹. Две трети этой молодежной аудитории составляют юноши, и только треть – девушки. Однако в самой юной части аудитории (до 20 лет) процент девушек достигает 40%. Пожилой пользователь Рунета в четырех из пяти случаев – мужчина. Это соотношение практически не меняется с 1999 г.

Географическая неравномерность распространения информационно-компьютерных технологий в России давно стала общим местом в работах, посвященных этой теме. Развитие Интернета в России происходит за счет крупных городов: четверть всех пользователей (25,7%) проживает в Москве, 11,6% в Санкт-Петербурге, 14,3% – в российских мегаполисах. На крупные города с численностью от 100 тысяч жителей приходится 35,7% пользователей. В то же время количество жителей малых городов и сельской местности, которые могут работать в сети, очень мало (не более 13% пользователей). Концентрация пользователей Интернета в Москве в 3,3 раза, а в Санкт-Петербурге – в 2,6 раза выше, чем в среднем по городскому населению страны.

Самое активное использование Интернета характерно, однако, не для российских столиц, а для Новосибирска, где 34,1% домашних компьютеров подключено к Сети. В Москве этот показатель равен 33,2%, в Санкт-Петербурге – 32,8%. Далее процент подключенных к Интернету компьютеров резко падает (до 22,2% в Екатеринбурге и примерно такие же показатели в прочих крупных городах страны).

Что касается Уральского федерального округа, то в нем, по данным фонда «Общественное мнение», проживает только 4,8% от общего числа российских пользователей. 8,1% от общего числа жителей округа уже пользуются Интернетом, еще 25,2% хотели бы

¹ Comcon 2. «Web-Вектор»: Интернет-аудитория России. Штрихи к портрету: <http://www.rambler.ru/db/rumetrica/otherstat.html?mid=1747191> (Сентябрь. 2002).

к нему подключиться. Эти показатели несколько выше, чем по России в целом, но, как и следовало ожидать, ниже, чем в Центральном и Северо-Западном округах¹.

В 2002 г. издательский дом «Коммерсантъ» осуществил проект, посвященный изучению географического цифрового раскола². Авторы проекта интересовались не столько факт географического цифрового раскола, сколько причины, по которым такой раскол существует. Они пришли к выводу, что на уровень развития Интернета в регионе влияют три основных фактора: экономическая ситуация, концентрация вузов и научных организаций, а также уровень конкуренции на местном рынке. Экономически развитые регионы имеют более высокий уровень Интернет-технологий, поскольку, с одной стороны, могут вкладывать больше средств в соответствующую инфраструктуру, а с другой, имеют большую прослойку населения с доходами, позволяющими приобрести компьютер и подключиться к Интернету.

Впрочем, данное исследование нельзя считать вполне репрезентативным. Так, описывая ситуацию в Уральском федеральном округе, авторы полностью игнорируют один из важнейших регионов-доноров – Ханты-Мансийский автономный округ, информатизация в котором осуществляется ускоренными темпами, а количество пользователей превышает среднее по стране.

Концентрация вузов важна, поскольку она определяет кадровый потенциал региона. Так, сибирские области (Иркутская, Томская и Новосибирская) дотируются из федерального бюджета, но благодаря высокой концентрации вузов, НИИ и КБ число пользователей Интернета в Сибири больше, чем даже в Уральском регионе-доноре.

Уровень конкуренции провайдеров на региональном рынке связан с экономической политикой, проводимой местными властями: чем он ниже, тем, как правило, слабее развит в регионе Интернет. Поэтому, например, уровень развития Интернета в Челябинской области на порядок выше, чем в соседней Башкирии. Оба региона

¹ Фундаментальное Интернет-исследование. Ч. 1: Интернет в России. М., 2000. С. 19.

² См.: Айван. Российское цифровое неравенство / <http://www.ione.ru/scripts/themes.asp?ID=10512>. (Сентябрь. 2002).

являются донорами федерального бюджета и характеризуются сравнительно высоким уровнем жизни, однако в Башкирии заметно ниже концентрация вузов, а власти сознательно сдерживают конкуренцию во всех сегментах рынка, включая информационный сегмент.

Существует и корреляция между уровнем телефонизации населения и количеством Интернет-пользователей, поскольку для доступа в Сеть большинство российских пользователей используют компьютер, подключенный к стационарной телефонной линии. Впрочем, аналогичную зависимость можно проследить и между числом абонентов сотовой связи и количеством пользователей Интернета, что объясняется экономическими причинами: тот, кто способен платить за сотовый трафик, может оплачивать и IP-трафик.

Таким образом, географический информационный раскол отражает многообразие экономических и культурных условий на территории страны. Точнее, он свидетельствует о крайней неравномерности процессов российской модернизации, которая охватывает одни регионы, но оставляет в стороне другие. В результате Москва, российские мегаполисы и экспортно ориентированные регионы активно участвуют в третьей информационной революции, в то время как на территории ряда регионов «красного пояса» и национальных республик еще не завершилась вторая информационная революция.

Информационный раскол только усугубил прочие расколы (экономические, поколенческие, ценностные и пр.), существующие в России на современном этапе модернизации. Совершенно справедливо некоторые исследователи говорят о многомерной двойственности, которая сопровождает российскую информационную революцию и делит Россию на глобальную и локальную, при этом большинство ценностей относится к глобальной части, а большинство населения – к локальной. Однако нельзя утверждать, что население в целом остается в стороне от технологических перемен и вместо этого озабочено собственным выживанием. Данный вывод противоречил бы истине: новые средства коммуникации вполне успешно адаптированы значительной частью населения.

Конечно, информационное пространство в России сильно поляризовано. Российские «информационно богатые» богаты по всем параметрам. У них, как правило, имеется весь набор новых средств коммуникации, и они пользуются достижениями сразу трех инфор-

мационных революций, что дает им очень высокую степень свободы выбора. Типичные российские «информационно богатые» – это мужчины с высшим образованием в возрасте от 20 до 35 лет, проживающие в российских мегаполисах, т.е. представители того слоя населения, который больше всего выиграл от разрушения закрытой советской экономической системы и оказался сравнительно конкурентоспособным в новой открытой экономике. Характерно, что российские «информационно богатые» очень похожи на «информационно богатых» в развитых странах Европы. Как отмечает П. Норрис, именно молодое поколение, располагающее образовательными навыками и финансовыми ресурсами для выхода в Сеть извлекло больше всего преимуществ из возможностей, которые предоставляет Интернет¹ и другие современные средства коммуникации.

Наряду с информационным богатством можно говорить и об информационной нищете. «Информационно нищим» является тот, кому недоступны не только современные информационно-компьютерные технологии, но и технологии, возникшие в ходе предыдущих информационных революций. Самыми нищими в информационном плане в России являются пожилые сельские жители (и особенно жительницы). Они часто имеют ограниченный доступ даже к традиционным СМИ как по экономическим, так и по культурным причинам. Исследователи неоднократно отмечали, что часть пожилых сельских жительниц функционально безграмотна: они разучились читать (или никогда не умели это делать), поскольку данный навык оказался совершенно невостребованным в их повседневной жизни². Для современного российского села нормой стало отсутствие радио и газет или, что бывает чаще, присутствие однопроводной государственной радиокompании и распространяемой по льготной цене районной газеты, зачастую печатающейся по технологии эпохи второй информационной революции, путем отливки свинца в матрицы. У них есть возможность принимать только два центральных телеканала, на одном из которых обычно идут передачи регионального телевидения.

¹ *Norris P. A Virtuous Circle. Political Communications on Postindustrial Societies. Cambridge, 2000. P. 133.*

² *Виноградский В. Деревня Красная Речка: пространство крестьянской повседневности // Рефлексивное крестьяноведение. М., 2002. С. 533-534.*

Этот «информационный паек» очень скуден даже по советским меркам. Тогда сельские жители имели возможность выписывать гораздо больше газет, т.е. могли быть названы вполне «информационно обеспеченными» по стандартам предыдущей информационной эпохи. Следует учесть, что в свое время советская власть предприняла очень много усилий для включения села в современные информационные сети, хотя и преследуя собственные цели – обеспечить массовую идеологическую индоктринацию населения. Насколько замкнутым и изолированным в информационном плане было довоенное российское село, убедительно показано в ряде исследований. Реально идеологическая индоктринация затрагивала только сельскую верхушку, в той или иной степени включенную в общегосударственную иерархию. Не случайно в советское время была создана сеть массовой лекционной пропаганды, призванная отчасти компенсировать слабое развитие традиционных средств массовой коммуникации. Первая информационная революция завершилась в российском селе не ранее второй половины 50-х гг., вторая – к концу 70-х.

В постсоветскую эпоху эта система развалилась, однако жители села почти ничего не получили. Для них крушение закрытой информационной системы означало не переход в открытую информационную систему, как это произошло в крупных российских городах, а регресс к эпохе до начала первой информационной революции. Таким образом, если в мегаполисах модернизация привела к заметному обогащению информационного пространства, то в сельской местности ее последствием явилось оскудение этого пространства и его деградация.

Однако между информационным богатством жителей мегаполисов и информационной нищетой жителей российского села существует множество промежуточных вариантов. Так, в регионах России возможны ситуации, когда значительный сегмент населения уже освоил одни новые коммуникационные технологии, а другие остались им недоступны. В качестве примера приведем Краснодарский край, который по уровню развития сотовой связи опережает большинство регионов страны, а по уровню развития Интернета занимает последние места. Наоборот, в Ханты-Мансийском автономном округе развитие Интернета заметно опережает развитие сотовой связи. Существуют регионы, в которых интен-

сивное развитие Интернет-технологий может сочетаться со слабым развитием традиционных средств массовой информации и т.д. Все многообразие типов «информационного богатства», «информационной зажиточности» и «информационной бедности» в современной России вряд ли поддается учету.

Поэтому тезис о том, что информационный раскол в отечественных условиях является необратимым и непреодолимым, является, на наш взгляд, излишне категоричным. Правильнее было бы говорить о том, что он непреодолим исключительно силами рынка. Чем беднее регион и чем медленнее идут в нем процессы модернизации, тем меньший интерес он представляет с точки зрения производителей и продавцов новых средств коммуникации. Для сглаживания, а в перспективе и преодоления информационного раскола, необходима продуманная государственная политика. Границы «информатизации снизу» за последние 10 лет обозначились достаточно четко: она охватывает в первую очередь мегаполисы и постепенно распространяется на менее крупные города. Очевидно, что ее необходимо дополнить «информатизацией сверху», направленной на малые города и села, причем таким образом, чтобы они постепенно превращались в рынок и для «информатизации снизу».

Важным шагом в этом направлении стало принятие в январе 2002 г. уже упоминавшейся федеральной целевой программы «Электронная Россия». Авторы этой программы исходят именно из того, что решение проблем информатизации страны в приемлемые сроки невозможно только за счет использования существующего рыночного механизма и требует государственной поддержки. Недостаточное развитие современных информационных технологий в России, по их мнению, объясняется прежде всего отставанием с их применением в области государственного управления и неготовностью органов власти всех уровней к использованию этих технологий в процессе взаимодействия с гражданами. Именно это отставание и создает барьеры для ускоренного распространения новых коммуникативных технологий в российском обществе.

Таким образом, авторы программы «Электронная Россия» вернулись к традиционному мнению о том, что модернизация любой сферы жизни может быть осуществлена в России только путем активного вмешательства государства. Однако в данном случае вмешательство государства мыслится как направленное на созда-

ние более благоприятных условий для развития рынка информационно-компьютерных технологий, т.е. на поддержание активно идущей «информатизации снизу». Поэтому основная цель программы «Электронная Россия» сформулирована именно с позиций взаимодействия государства и общества как в сфере экономики, так и в социальной сфере. Это прежде всего – повышение эффективности функционирования экономики и государственного управления на базе информационно-компьютерных технологий, реализация технологических предпосылок для развития гражданского общества за счет обеспечения прав на свободный доступ к информации»¹.

Сам факт появления федеральной программы «Электронная Россия» свидетельствует о том, что информационная революция в России перестает быть стихийным процессом, осуществляющимся под давлением внешних факторов (вхождения России в мировую экономику). Информатизация становится важнейшим элементом государственной политики, что придает особую важность эмпирическим исследованиям этого масштабного социального процесса.

¹ Сайт Министерства экономического развития и торговли Российской Федерации / <http://www.economy.gov.ru/erus.html> (2002. Сентябрь).